

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 1026-1035
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.1026

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Ideas about the Future in the Ideological Doctrines of Russian Conservative and Right-Liberal Parties of the early 20th century

Sergei V. Rastorguev ^{a, *}, Viktor V. Titov ^a

^aFinancial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

This article examines the construction of a vision of the future within the ideological doctrines of Russian conservative and right-wing liberal parties of the early 20th century. The relevance of this study stems from the need to revise the study of this topic by rejecting stereotypes and excessive politicization. The aim of the study is to assess the specific representations of the future within the ideological doctrines of Russian conservative and right-wing liberal parties of the early 20th century, taking into account the specific historical context of their formation. The methodological framework of the study is built through a combination of structural, comparative, and functional analysis. It is concluded that, despite a basic consensus on the unconditional preservation of the autocratic political system and the unitary principle of state formation, as well as methods for resolving the labor issue, significant ideological contradictions existed between conservative and right-wing liberal parties in terms of defining the country's future. Fundamentalist conservatives (primarily members of the Union of the Russian People) linked the country's future to the preservation of traditional orders, rejection of parliamentarism in favor of pre-Petrine legislative advisory structures, the preservation of the peasant commune, and limitations on forced industrialization. Conservative reformists and representatives of right-wing liberal parties such as the Union of October 17, on the contrary, proposed a model of rational adaptation to new historical realities. Their vision of the future envisioned the organic integration of the State Duma into the system of governance (with the monarch acting as a supra-partisan arbitrator and moderator), as well as full support for P.A. Stolypin's agrarian reforms, with their transition to private farmstead landownership.

Keywords: conservative parties, right liberal parties, image of the future, ideological doctrines, fundamentalists, reformists, early 20th century.

1. Введение

Образ будущего, закрепленный в идеологической доктрине партии, является одним из ключевых факторов, определяющих ее электоральную успешность, взаимоотношения с системой исполнительной власти и собственной социальной базой. В связи с этим представления партии о будущем государства выступают в качестве одних из ключевых обстоятельств, рассматриваемых в ходе интерпретации политического и исторического процесса. Искажение или игнорирование содержания транслируемых партиями образов будущего создают риск неверной оценки конкретно-исторического контекста того или иного события или процесса, что в целом способствует возникновению эпистемических ошибок.

Представления идеологов российских консервативных и праволиберальных партий начала XX в. о будущем традиционно относятся к наиболее дискуссионным аспектам истории данных общественных объединений. Высокая степень политизации данной темы способствовала активным

* Corresponding author

E-mail addresses: SRastorguev@fa.ru (S.V. Rastorguev), titov-msu@mail.ru (V.V. Titov)

попыткам как демонизации идеологических установок консерваторов и правых либералов, так и их апологетике, в том числе – в контексте реализации современной мемориальной политики.

Все это актуализирует задачу ревизии заявленной темы на объективных аналитических началах с учетом конкретно-исторического контекста формирования предмета исследования.

Целью данной работы является оценка специфики представлений о будущем в идеологических доктринах российских консервативных и праволиберальных партий начала XX в.

2. Материалы и методы

При подготовке данного исследования использовались неопубликованные материалы фондов Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), включая фонды Департамента полиции Министерства внутренних дел, партий «Союз 17 октября» и «Союз русского народа» и личный фонд П.А. Столыпина. Также в состав источниковой базы были включены материалы личного происхождения (Витте, 1960; Мещерский, 1902; Шипов, 1918), программные документы консервативных партий (Программа СРН, 1906; Программа Союза 17 октября, 1906) и материалы периодической печати (Русское знамя, 1907).

Методологическая основа исследования формировалась путем синтеза элементов структурного, сравнительного и функционального анализа. Использование структурного анализа позволило выделить различные направления конструирования образа будущего в рамках идеологических доктрин консерваторов и правых либералов. Применение сравнительного анализа дало возможность выявить общие и специфические черты в образах будущего, созданных идеологами консервативных и праволиберальных партий. Обращение к функциональному анализу открыло возможность для установления того, реализации каких политических задач конкретными группами интересов способствовали определенные элементы идеологических представлений определенных партий о будущем России.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии тема представлений о будущем России в идеологических доктринах российских консервативных и праволиберальных партий начала XX в. не получила систематического освещения. Большинство работ, затрагивающих соответствующую тематику, были созданы непосредственно идеологами конкретных партий и представляли собой результат попытки концептуализации, детализации и философского обоснования их собственных программ. При этом зачастую заочными оппонентами авторов выступали не идеологи иных консервативных и праволиберальных партий, а представители кадетов, левых объединений, либо правительственных структур. Как следствие, расхождения между идеологическими доктринами разных консервативных и праволиберальных партий освещались достаточно фрагментарно (Шарапов, 1907; Гучков, 1908; Шарапов, 1908; Тихомиров, 1909; Меньшиков, 1911; Дан, Череванин, 1914).

Исследователи советского периода внесли существенный вклад в развитие темы за счет ввода в научный оборот большого объема неопубликованных источников, обобщения и концептуализации доктрин консервативных и праволиберальных партий. В то же время работы данного периода отличает наличие четко выраженного влияния политической конъюнктуры, выразившегося в адаптации оригинальных выводов к положениям официальной идеологии и оценкам основателей правящей партии. Отдельно следует отметить, что консервативные партии фундаменталистского толка в официальной советской историографии подвергались стигматизации (как «черносотенные»), что обусловило формирование достаточно жестких рамок восприятия их представлений относительно будущего России. В целом футурологический элемент партийных доктрин консерваторов позиционировался, зачастую, как априори утопический либо оценивался с позиции постзнания. Имело место и фокусирование внимания на наиболее активных политических оппонентах большевиков при относительно невысоком уровне внимания к прочим представителям консервативных и праволиберальных партий (Витте, 1960; Аврех, 1966; Аврех, 1968; Черменский, 1970; Анфимов, 1974; Спириин, 1977; Дякин, 1978; Шелохаев, 1987; Дякин, 1988).

В рамках работ исследователей постсоветского периода была значительно расширена источниковая база изучения темы (в том числе – за счет доступа к архивным фондам, оказавшимся за рубежом в результате событий Гражданской войны). Также была проведена ревизия национальной историографии в русле отказа от негативных последствий детерминирующего влияния официальной государственной идеологии в предшествующие десятилетия. Однако в то же время сохранилась тенденция к политизации темы: образы будущего России в идеологических доктринах консервативных и праволиберальных партий начали активно использоваться как ресурс мемориальной политики, что негативным образом отразилось в том числе на состоянии научного дискурса. В то же время следует отметить, что значительная часть исследователей концентрировала внимание не столько на идеологических доктринах и дискуссиях вокруг их содержания, сколько на реализации конкретных социальных и экономических проектов либо мотивации их разработчиков, сторонников и противников. Имеет место и выраженный уклон в сторону изучения фигур конкретных политических деятелей на фоне сокращения интереса к связанным с ними политическим

партиям (Бородин, 1993; Боханов, 1997; Сенин, 1993; Степанов, 1993; Карнишин, 2024; Кобзаненко, 1996; Кирьянов, 2001; Макаров, 2013; Пазин, 2014; Рыбас, 2009).

Соответственно, степень изученности темы характеризуют как существенный уровень политизации, так и наличие пробелов, обусловленных структурными диспропорциями при изучении конкретных аспектов исследуемого предмета.

4. Результаты

Обращаясь к вопросу представлений о будущем в идеологических доктринах российских консервативных партий начала XX в., в первую очередь необходимо отметить, что их формирование протекало во многом за счет заимствования наследия организаций-предшественников, таких как кружок «Беседа», «Патриаршья палата» братьев Барсуковых, «Кружок московских дворян, верных присяге» и Общеземское бюро при Московской губернской земской управе. Также большое влияние на формирование партийных идеологических доктрин оказали лидеры мнений, действовавшие в разных сегментах консервативного лагеря, такие как К.П. Победоносцев, В.П. Мещерский, Л.А. Тихомиров, Н.Н. Львов, П.С. Шереметев и Д.Н. Шипов.

К моменту возникновения первых легальных партий в России в консервативном движении возобладали представители двух направлений – реформистского, представители которого допускали необходимость осторожной корректировки государственной политики и продолжения реформ для предотвращения революции, и фундаменталистского, идеологи которого настаивали на необходимости сохранения в максимально неизменном виде самобытных элементов политического и социально-экономического устройства страны.

Реформистское крыло организационно оформилось в первую очередь через создание аристократического кружка «Беседа», учрежденного в 1899 г., и нелегального Общеземского бюро при Московской губернской земской управе. Ключевыми фигурами этого направления выступали Д.Н. Шипов, графы П.С. Шереметев и Д.А. Олсуфьев, Н.С. Волконский и М.А. Стахович. Конструируемый ими образ будущего государственного устройства России строился на основе классической славянофильской формулы: «Народу – мнение, царю – власть». Реформисты (в первую очередь Д.Н. Шипов и его многочисленные сторонники) категорически не принимали республиканский строй западного типа, утверждая, что государственная жизнь в России должна всецело подчиняться «высшим нравственным началам», а не формальным юридическим нормам. Будущее российское государство они связывали с формой неограниченной монархии, органически очищенной от всевластия и произвола высшей бюрократии. Именно оторванный от народа бюрократический аппарат («средостение») позиционировался реформистами в качестве силы, разрушившей историческое единение монарха и нации. Для преодоления этого раскола реформисты предлагали учредить при самодержце центральный законосовещательный орган (Земский собор или государственную земскую думу), состоящий из выборных от земств, который бы доводил до царя истинное мнение народа, не ограничивая при этом его верховных прерогатив (Шипов, 1918: 17-20, 23). Эта позиция наиболее четко проявилась в ходе нелегального Общеземского съезда в Санкт-Петербурге 6–9 ноября 1904 г., когда при обсуждении десятого пункта резолюции, определявшего характер будущего представительного органа при монархе, меньшинство из 27 человек (включая Д.Н. Шипова и Н.С. Волконского) высказалось за создание исключительно законосовещательного учреждения (Витте, 1960: 72).

Фундаменталисты, группировавшиеся преимущественно вокруг конкретных лидеров общественного мнения в рамках неформальных кружков и салонов, конструировали разные вариации образа будущего России. С одной стороны, многие консерваторы настаивали лишь на закреплении существующих порядков или частичном возвращении к дореформенной модели управления. Сторонники К.П. Победоносцева расценивали идеи народовластия и парламентаризма как «великую ложь нашего времени», глубоко чуждую «русской природе». Православная церковь, в соответствии с данным подходом, не могла отделять себя от государства, и их слияние под эгидой самодержавия воспринималось как гарант спасения от революции. Сторонники князя В.П. Мещерского (редактора субсидируемой правительством газеты-журнала «Гражданин») также неизменно выступали за сохранение действующей политической модели и жесткие методы управления страной. Будущее государственное устройство они связывали с усилением личной власти императора и расширением полномочий губернаторов (Победоносцев, 1901; Мещерский, 1902). С другой стороны, многие фундаменталисты настаивали на проведении реформ, направленных на укрепление самодержавия через создание новых институтов. Так, Л.А. Тихомиров считал жизненно необходимым для монархии проведение преобразований, способных выстроить сверхжесткую общественно-политическую систему. Она предполагала четкую регламентацию работы системы воспитания и образования в империи под эгидой церкви и государства для планомерного искоренения либеральной и революционной интеллигенции, которую мыслитель воспринимал в качестве главных внутренних врагов России. Кроме того, для борьбы с радикальной политической оппозицией Л.А. Тихомиров предлагал создать законспирированный тайный орден консерваторов (наподобие иезуитского), а также учредить государственную «корпорацию людей пера» –

подконтрольный властям союз журналистов и писателей, служащий монарху и нации (Тихомиров, 1894: 170-175). С.Ф. Шарапов выступал за переустройство России путем ликвидации старых губерний и создания на их месте 12 «коренных русских областей» и 6 «иностраных» или национальных областей (включавших Финляндию, Польшу, Прибалтику, Закавказье, Среднюю Азию и Литовско-Белорусскую территорию). Во главе каждой области должен был стоять назначаемый лично монархом генерал-губернатор, опирающийся в своей работе на областную думу (представители которой назначались бы самим генерал-губернатором). Высшим совещательным органом империи в рамках этой системы оставался бы Государственный совет, дополненный специально отобранными представителями регионов. Цель этих реформ заключалась в закреплении за помещичьим дворянством роли вечного «слоя лучших людей», призванных руководить земщиной и бескорыстно служить монарху (Шарапов, 1903: 57).

Помимо отличий в восприятии желаемой траектории развития политической системы, имели место и значимые расхождения в рамках оценки путей решения проблем социально-экономического характера. Так, С.Ф. Шарапов жестко критиковал министра финансов С.Ю. Витте, обвиняя его в чрезмерной поддержке развития крупной промышленности за счет иностранных капиталов и планомерном разрушении традиционных крестьянских кустарных промыслов. С.Ф. Шарапов настаивал, что в будущем экономика России должна базироваться исключительно на сельском хозяйстве. Введение золотой валюты расценивалось им как опасное для землевладельцев изъятие жизненно необходимого оборотного капитала. Экономический курс правительства воспринимался как в целом направленный на поддержку промышленности в ущерб сельскому хозяйству. В то же время С.Ф. Шарапов поддерживал требования помещиков повысить хлебные цены за счет масштабных казенных закупок для интендантства, устранить конкуренцию со стороны дешевого сибирского хлеба, а также кардинально понизить железнодорожные тарифы и удешевить кредит для дворянства (Шарапов, 1908: 21-25, 33).

В то же время видный представитель реформистского крыла консерваторов Б.Н. Чичерин доказывал, что правительственная поддержка разоряющихся помещиков принесет лишь негативный результат. Он призывал дворянство заимствовать модель хозяйствования у прусских юнкеров и по их примеру стать независимой политической силой в обновленном бессловном государстве (Чичерин, 1897).

Таким образом, к моменту создания легальных партий консервативное движение не обладало монолитностью, объединяя широкий спектр различных идеологических течений, существенно различавшихся в своих представлениях о будущем страны.

В то же время следует отметить, что объединяющим началом для всех без исключения представителей консервативного лагеря выступало безусловное признание необходимости сохранения в стране самодержавного политического строя. Консерваторы при построении образа будущего исходили из фундаментального постулата об исключительном историческом пути развития России, для которого, по их убеждению, были органически неприемлемы парламентская демократия и конституционное правление.

Как обозначенные выше противоречия, так и консенсусные моменты в идеологических доктринах органично транслировались в идеологические доктрины консервативных и праволиберальных политических партий, в том числе – за счет активной роли правых лидеров общественного мнения в их создании и функционировании. Так, Л.А. Тихомиров активно сотрудничал с «Союзом русского народа» и консультировал лидеров партии по идеологическим вопросам (ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 5. Л. 12). Д.Н. Шипов, М.А. Стахович и Н.С. Волконский и вовсе входили в число основателей «Союз 17 октября» или первых депутатов, представляющих эту партию в Государственной думе (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 5).

Базовой позицией для всех консервативных партий являлось безусловное признание необходимости сохранения монархического принципа правления и предотвращения революционного слома государства, однако в вопросах конкретного политического, экономического и национального устройства будущей России их взгляды существенно расходились (Пайпс, 1994: 99; Анфимов, 1974: 87-88; Степанов, 1993: 157).

Последнее четко проявлялось в самом восприятии обновленной политической системы России. Большая часть представителей «Союза русского народа» во главе с председателем Главного совета партии А.И. Дубровиным категорически отказывались признавать Государственную думу легитимным институтом. Широко бытовало мнение, что даже преимущественно консервативный состав депутатов III Думы в перспективе опасен, так как Думу невозможно распустить без скандала и это способствует «привыканию» общественности к новому органу власти. (В данном случае необходимо подчеркнуть, что единомышленники А.И. Дубровина регулярно призывали императора к отмене Манифеста 17 октября, предлагая заменить Думу Земским собором – исключительно законосовещательным органом, который помогал бы императору, но никоим образом не ограничивал его самодержавных прерогатив). Странникам этой позиции противостояло крыло «обновленцев» (во главе с В.М. Пуришкевичем и Н.Е. Марковым-2-м), которое в 1907–1908 гг. образовало новую партию – «Русский народный Союз имени Михаила Архангела». Н.Е. Марков-2-й

прямо заявлял, что само по себе законодательное народное представительство (Государственная дума как институт) абсолютно необходимо для выживания монархической России в будущем, так как его наличие позволяет канализировать общественное недовольство в легальное русло.

Также многие консерваторы-фундаменталисты изначально стояли на позиции принципиальной антипартийности. В частности, А.И. Дубровин и В.М. Пуришкевич длительное время рассматривали сам институт политической партии как вредоносное западное заимствование, искусственно разделяющее царя и народ. В их видении идеальное будущее России было связано не с развитием парламентаризма, а с возвращением к идеализированной допетровской модели соборности, в рамках которой монарх обладает неограниченной властью, но при этом находится в постоянном, живом и непосредственном общении с народом. Последнее, важно отметить, рассматривалось в качестве морального обоснования для выражения критики в адрес власти как таковой. Так, основатель «Русской монархической партии» В.А. Грингмут открыто заявлял, что государственная бюрократия стала «безбожной», оторвалась от народа и заслоняет собой от подданных образ монарха (Программа Союза Русского Народа: 2-5; ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 12-15; Грингмут, 2008: 350; Степанов, 1993: 156).

Принципиально иную позицию занимали представители праволиберальной партии «Союз 17 октября», выступавшие в роли преемников консерваторов-реформистов. Октябристы считали, что предотвратить революцию в России можно лишь за счет рационально обоснованного и законодательно закрепленного компромисса между исторической властью и обществом. В соответствии с данной позицией, Дума выступала в роли единственного институционального средства спасения монархии и неотъемлемой частью будущего политического строя. В рамках этой модели за императором сохранялись ключевые исполнительные прерогативы (назначение министров, право абсолютного вето на законопроекты, руководство внешней политикой и армией). Баланс власти в политической системе будущего обеспечивался бы тремя легитимными центрами: царем, нижней палатой (Государственной думой) и верхней палатой (Государственным советом), причем монарх должен был играть роль надпартийного арбитра и модератора социальных конфликтов. Программа «Союза 17 октября» прямо декларировала необходимость эволюционного развития государственного строя на базе Манифеста 17 октября, который рассматривался октябристами не как временная тактическая уступка сторонникам революции, а как базовый акт, знаменующий окончательный переход России к правовому государству (Гучков, 1908: 14-22; Программа Союза 17 октября, 1906: 42-48).

Существенные расхождения имелись и по поводу представлений о будущем аграрных отношений. Консерваторы-фундаменталисты из «Союза русского народа» видели решение аграрного вопроса исключительно в ключе сохранения традиционного уклада при строго ограниченной технической модернизации. Они выступали за неприкосновенность помещичьего землевладения, видя в нем историческую и культурную основу существующего политического строя. При этом для смягчения проблемы «земельного голода» крестьянства предлагалось использовать такие инструменты и меры как расширение деятельности Крестьянского поземельного банка для льготной продажи земель казенного и удельного фондов, государственную поддержку масштабной переселенческой политики в Сибири, а также улучшение условий земельной аренды. Видение решения крестьянского вопроса лидерами «Союза русского народа» было при этом неразрывно связано с сохранением общинного землевладения и недопущением значимого имущественного расслоения в деревне. Идеологи партии опасались, что разрушение общины неизбежно приведет к появлению миллионов обезземеленных, которые, переселяясь в города, в силу отсутствия образования и должной квалификации сформируют социальную базу будущей революции. Также существовали опасения, что экономически независимый и сплоченный класс новых крестьян-собственников выступит против монарха, настойчиво требуя расширения политических прав и разрушая привычный дворянско-помещичий административный уклад (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 32. Л. 56).

В отличие от членов «Союза русского народа», фундаменталисты из «Союза Михаила Архангела» и представители реформистского крыла консерваторов (в первую очередь – члены «Всероссийского национального союза» и праволиберального «Союза 17 октября») признавали именно крестьянское малоземелье и чересполосицу самой значимой экономической проблемой страны. Постепенное сокращение помещичьего землевладения рассматривалось скорее как второстепенная проблема. Реформисты и лидеры «Союза Михаила Архангела» полностью поддерживали аграрную реформу П.А. Столыпина, полагая, что будущее деревни связано с разрушением общины, масштабным переселением избыточного крестьянского населения в Сибирь и переходе к частному хуторскому и отрубному землевладению. Именно крепкие фермеры-собственники должны были стать новой социальной базой монархии, в том числе за счет принципиально низкой восприимчивости к социалистической пропаганде (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 27-27об.; Голос Москвы. 1907. 21 июля; Гучков, 1908: 45-48).

Специфика решения рабочего вопроса в идеологических доктринах консервативных партий фундаменталистского толка обуславливалась эклектичным характером конструируемой ими модели экономики будущего. Последняя представляла собой сложную систему, соединявшую элементы

феодализма (взгляд на Россию будущего как преимущественно аграрную страну), капитализма (поддержка мелкого и среднего частного предпринимательства) и государственного социализма (в контексте ограничения прав крупного частного и иностранного капитала). Консерваторы-фундаменталисты из «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела» крайне настороженно относились к процессу форсированной индустриализации и пролетаризации населения, видя в фабрично-заводских массах в первую очередь источник революционной угрозы. Исходя из этого, они настаивали на необходимости введения жесткой государственной монополии в сфере крупной промышленности. Одновременно фундаменталисты поддерживали идею государственной поддержки всемерного развития народных кустарных промыслов и небольших ремесленных мастерских. Идеологи фундаменталистов утверждали, что для национального блага существование десяти мелких фабрик является несравнимо более выгодным, чем функционирование одного большого завода, поскольку мелкие децентрализованные предприятия способны обеспечить стабильным заработком большее количество людей, не создавая при этом взрывоопасной концентрации подвергнутых пролетаризации масс в крупных городах. Решение непосредственно рабочего вопроса увязывалось с усилением государственного патернализма и внедрением на практике концепции «полицейского социализма». Консервативные мыслители, такие как С.Ф. Шарапов и Л.А. Тихомиров, утверждали, что в будущем гармоничном государстве отношения между наемными рабочими и предпринимателями должны строиться на основе принципов христианской солидарности и строгого государственного арбитража (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 236. Д. 5. Ч. 2. Л. 110; Степанов, 1992: 12; Тихомиров, 1902: 15-22).

«Союз русского народа» официально признавал на уровне программных документов необходимость улучшения материального положения фабрично-заводских рабочих, декларируя поддержку требований о нормировании рабочего дня, ограничении труда малолетних и женщин, а также введении государственного страхования на случай болезни или увечья. Однако важнейшим и непременным условием реализации этих социальных гарантий должен был стать полный отказ рабочих от политической борьбы. Партия допускала «исключительно мирные» формы самоорганизации, такие как кооперативы и рабочие артели, функционирующие под строгим государственным контролем, тогда как забастовки, особенно сопровождающиеся политическими требованиями, категорически осуждались как проявления антигосударственной деятельности (ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 14. Л. 5-8).

Консерваторы-реформисты в лице октябристов в рамках построения образа будущего России исходили из того, что интересы промышленных рабочих не должны противоречить задачам поступательного развития промышленности. Их модель будущего рабочего законодательства предполагала введение законодательно ограниченного рабочего дня (однако они категорически выступали против введения 8-часового рабочего дня, считая его вредным для экономики), создание системы государственного страхования рабочих по болезни, старости и нетрудоспособности, а также строгий запрет ночного труда для женщин и малолетних детей. Октябристы, активно работая в профильных комиссиях Думы, стремились легализовать умеренные профсоюзы, тем самым направляя рабочее движение в мирное, тред-юнионистское русло, что делало их программу более реалистичной и жизнеспособной для эволюционного развития империи (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 27-27об.; Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва, 1912: 145-150).

Подход к национальному вопросу в рамках образа будущего России, конструируемого консервативными партиями, был неразрывно связан с сохранением унитарного характера государства и безусловного политического господства «русского начала». Все консервативные партии видели будущее России исключительно как единого, централизованного и неделимого государства, где национальные окраины лишены права на политическую автономию. В положениях программ «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела» строго постулировалось, что «русское племя», концептуально включавшее в себя великороссов, малороссов и белорусов, является государственно-образующим и должно обладать исключительными правами в управлении страной. Иностранцам гарантировалась строгая законность и защита жизни и имущества, но возможность политического равноправия категорически отрицалась. Программные документы Всероссийского национального союза также содержали требование прямого закрепления государствообразующего статуса русского народа, что на практике переводилось в плоскость защиты законодательных ограничений прав национальных меньшинств, в особенности еврейского и польского населения. Отдельно необходимо отметить, что наличие антисемитского компонента в образах будущего консерваторов-фундаменталистов обуславливалось комплексом обстоятельств: в целом достаточно высоким уровнем бытовой ксенофобии среди населения как России, так и иных европейских держав на рассматриваемый период, традиционной эндогамией и высокой устойчивостью к ассимиляции значительной части иудейской общины, сочетанием в обществе низкого уровня образования (в том числе – церковного) с религиозными предрассудками, а также неприятием традиционалистами секулярной модернизации и космополитичного капитализма, ассоциировавшихся у достаточно широких слоев населения, в том числе, с эмансипацией ранее маргинализированных групп (Меньшиков, 1911: 45-52; Пайпс, 1994: 205-206).

Реформисты в лице представителей праволиберального «Союза 17 октября» разделяли базовый постулат консерваторов о сохранении политического примата государствообразующего русского народа и провозглашали незыблемость лозунга о «единой и неделимой России», решительно отвергая требования предоставить широкую автономию Польше, Финляндии и Украине. Октябристы активно поддерживали курс П.А. Столыпина, направленный на ограничение автономии Великого княжества Финляндского и введение земств в западных губерниях с преобладанием русского элемента над польским дворянством. В то же время «Союз 17 октября» допускал культурную автономию инородцев и настаивал на том, что все лояльные подданные должны обладать равными гражданскими правами перед законом (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 13. Л. 710б., 2340б.; Дан, Череванин, 1914: 168; Программа Союза 17 октября 1905 года, 1906: 9-17).

5. Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о существенной внутренней неоднородности представлений о будущем, закрепленных в идеологических доктринах консервативных и праволиберальных партий. Объединяющим элементом для них оставалось признание необходимости сохранения в стране самодержавного политического строя и концепта «единой и неделимой России», в рамках которого национальные окраины лишались права на автономию, а доминирующая политическая роль отводилась государствообразующему русскому народу (понимаемому в контексте концепции триединства русских, украинцев и белорусов). Аналогичным образом они определяли стратегию решения в будущем рабочего вопроса за счет легализации части профсоюзов, создания системы государственного страхования и запрета ночного труда для женщин и малолетних, рассчитывая перевести социальный протест в русло тред-юнионизма.

Однако за рамками этих базовых аксиом в консервативном движении четко прослеживался концептуальный раскол на фундаменталистское и реформистское направления, каждое из которых предлагало собственную, зачастую диаметрально противоположную футурологическую модель формирования политического и социально-экономического строя.

Консерваторы-фундаменталисты конструировали образ будущего, опирающийся преимущественно на идеализацию дореформенных и, отчасти, допетровских порядков. Наиболее радикальные идеологи этого крыла исключали жизнеспособность парламентаризма, отводя Думе в лучшем случае статус совещательного учреждения при монархе. В социально-экономической сфере фундаменталисты демонстративно выраженный антииндустриальный уклон. Они опасались маргинализации и пролетаризации масс, видя залог государственной стабильности в развитии кустарных промыслов, неприкосновенности помещичьего землевладения и сохранении традиционной крестьянской общины. Радикально настроенные консерваторы опасались, что неизбежное при разрушении общины расслоение деревни приведет к появлению миллионов обезземеленных крестьян, формирующих социальную базу революции. Эта доктрина была глубоко пронизана идеями государственного патернализма и концепцией «полицейского социализма», что на практике вело к конструированию статичной модели государства.

В свою очередь, представители реформистского крыла консерваторов в лице праволиберальных партий, таких как «Союз 17 октября» при поддержке части фундаменталистов (в первую очередь – членов «Союза Михаила Архангела») транслировали значительно более прагматичный и адаптивный образ будущего. Осознавая невозможность сохранения политического статус-кво, реформисты настаивали на том, что предотвратить революцию можно лишь за счет рационально обоснованного и законодательно закрепленного компромисса между властью и обществом. В их видении обновленная монархия должна была опираться на легитимное народное представительство как неотъемлемую часть политического строя. Полностью поддерживая аграрную реформу П.А. Столыпина и разрушение общины, реформисты стремились сформировать принципиально новую социальную базу для действующей власти.

Образы будущего, закрепленные в доктринах российских консервативных и праволиберальных партий, отражали попытку найти ответ на глубокий системный кризис российской государственности. Неспособность консервативного лагеря выработать единую, консолидированную программу преобразований стала отражением масштабных структурных противоречий внутри самого общества. Транслируемые правыми партиями образы будущего зачастую либо воспроизводили представления об идеализированном прошлом, либо представляли собой результат сложного многоуровневого компромисса, что объективно затрудняло задачу консолидации и расширения их социальной базы. Наиболее непротиворечивыми и релевантными актуальной на тот момент социальной, политической и экономической конъюнктуре можно признать представления о будущем, транслируемые октябристами.

6. Благодарности

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета. / The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under a state assignment to the Financial University.

Литература

- Аврех, 1966 – Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966.
 Аврех, 1968 – Аврех А.Я. Столыпин и третья Дума. М., 1968.
 Анфимов, 1974 – Анфимов А.М. Новые данные о землевладении России // *История СССР*. 1974. № 1. С. 82-97.
 Бородин, 1993 – Бородин А.П. Объединенное дворянство и аграрная реформа // *Вопросы истории*. 1993. № 9. С. 33-44.
 Боханов, 1997 – Боханов А.Н. Николай II. М., 1997.
 Витте, 1960 – Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960.
 ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
 Грингмут, 2008 – Грингмут В.А. Объединяйтесь, люди русские! М., 2008.
 Гучков, 1908 – Гучков А.И. Речи по общим вопросам. СПб., 1908. С. 14-22.
 Дан, Череванин, 1914 – Дан Ф., Череванин Н. Союз 17 октября / Общественное движение в России в начале XX века. Т. III. Кн. 5. СПб., 1914. С. 168.
 Дякин, 1978 – Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978.
 Дякин, 1988 – Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988.
 Карнишин, 2024 – Карнишин В.Ю. «Союз 17 октября» в водовороте российской политической жизни начала XX в. // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2024. № 1 (69). С. 126-133.
 Кирьянов, 2001 – Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001.
 Кобзаненко, 1996 – Кобзаненко В.А. Партийные фракции в I и II Государственных думах России. 1906–1907. М., 1996.
 Макаров, 2013 – Макаров Н.В. Образование и первые политические шаги «Союза 17 октября» в освещении англо-американской историографии // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2013. № 4-3 (53). С. 36-41.
 Меньшиков, 1911 – Меньшиков М.О. Письма к русской нации. СПб., 1911. С. 45-52.
 Мещерский, 1902 – Мещерский В.П. Дневник // *Гражданин*. 1902. 25 июля. № 56.
 Пазин, 2014 – Пазин Р.В. «Союз 17 октября» и политический террор начала XX века // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2014. № 4 (27). С. 60-67.
 Пайпс, 1994 – Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994.
 Победоносцев, 1901 – Победоносцев К.П. Московский сборник. М., 1901.
 Программа СРН, 1906 – Программа Союза Русского Народа. СПб., 1906. С. 2-5.
 Программа Союза 17 октября, 1906 – Программа Союза 17 октября / *Сборник программ политических партий в России*. Вып. 1. СПб., 1906. С. 9-17.
 Русское знамя, 1907 – Русское знамя. 1907. 11 марта.
 Рыбас, 2009 – Рыбас С.Ю. Столыпин. М., 2009.
 Сенин, 1993 – Сенин А.С. Александр Иванович Гучков // *Вопросы истории*. 1993. № 7. С. 69-88.
 Спирин, 1977 – Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977.
 Степанов, 1993 – Степанов С.А. Черносотенцы: «революционеры наизнанку» // *Полис*. 1993. № 1. С. 154-161.
 Тихомиров, 1894 – Тихомиров Л.А. Что такое либерализм? // *Русское обозрение*. 1894. № 7. С. 161-183.
 Тихомиров, 1909 – Тихомиров Л.А. Аграрный вопрос. М., 1909. С. 34-41.
 Чичерин, 1897 – Чичерин Б.Н. Еще несколько слов о положении русского дворянства // *С.-Петербургские ведомости*. 1897. 30 марта.
 Шарапов, 1903 – Шарапов С.Ф. Самодержавие и самоуправление. 2-е изд. М., 1903.
 Шарапов, 1907 – Шарапов С.Ф. Социализм как религия ненависти. М., 1907.
 Шарапов, 1908 – Шарапов С.Ф. Государственная роспись и народное хозяйство. М., 1908.
 Черменский, 1970 – Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970.
 Шелохаев, 1987 – Шелохаев В.В. Партия октябристов в период первой русской революции. М., 1987.
 Шипов, 1918 – Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918.

References

- Anfimov, 1974 – Anfimov, A.M. (1974). Novye dannye o zemlevladienii Rossii [New data on land ownership in Russia]. *Istoriya SSSR*. 1: 82-97. [in Russian]
 Avrekh, 1966 – Avrekh, A.Ya. (1966). Tsarizm i tret'yeiun'skaya sistema [Tsarism and the June 3rd system]. M. [in Russian]
 Avrekh, 1968 – Avrekh, A.Ya. (1968). Stolypin i tret'ya Duma [Stolypin and the third Duma]. M. [in Russian]

- Bokhanov, 1997** – *Bokhanov, A.N.* (1997). Nikolay II [Nicholas II]. M. [in Russian]
- Borodin, 1993** – *Borodin, A.P.* (1993). Ob'edinennoe dvoryanstvo i agrarnaya reforma [The united nobility and agrarian reform]. *Voprosy istorii*. 9: 33-44. [in Russian]
- Chermenskiy, 1970** – *Chermenskiy, E.D.* (1970). Burzhuaziya i tsarizm v pervoy russkoy revolyutsii [The bourgeoisie and tsarism in the first Russian revolution]. M. [in Russian]
- Chicherin, 1897** – *Chicherin, B.N.* (1897). Eshche neskol'ko slov o polozhenii russkogo dvoryanstva [A few more words on the situation of the Russian nobility]. *S.-Peterburgskie vedomosti*. March 30. [in Russian]
- Dan, Cherevanin, 1914** – *Dan, F., Cherevanin, N.* (1914). Soyuz 17 oktyabrya [Union of October 17]. *Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX veka*. SPb. T. III. Kn. 5. P. 168. [in Russian]
- Dyakin, 1978** – *Dyakin, V.S.* (1978). Samoderzhavie, burzhuaziya i dvoryanstvo v 1907–1911 gg. [Autocracy, the bourgeoisie, and the nobility in 1907–1911]. L. [in Russian]
- Dyakin, 1988** – *Dyakin, V.S.* (1988). Burzhuaziya, dvoryanstvo i tsarizm v 1911–1914 gg. Razlozhenie tret'yeiyun'skoy sistemy [The bourgeoisie, the nobility, and tsarism in 1911–1914. The decomposition of the June 3rd system]. L. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- Gringmut, 2008** – *Gringmut, V.A.* (2008). Ob"edinyaytes', lyudi russkie! [Unite, Russian people!]. M. [in Russian]
- Guchkov, 1908** – *Guchkov, A.I.* (1908). Rechi po obshchim voprosam [Speeches on general issues]. SPb. Pp. 14–22. [in Russian]
- Karnishin, 2024** – *Karnishin, V.Yu.* (2024). «Soyuz 17 oktyabrya» v vodovorote rossijskoy politicheskoy zhizni nachala XX v. [“Union of October 17” in the whirlpool of Russian political life at the beginning of the 20th century]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*. 1 (69): 126-133. [in Russian]
- Kiryakov, 2001** – *Kir'yanov, Yu.I.* (2001). Pravye partii v Rossii. 1911–1917 gg. [Right-wing parties in Russia. 1911–1917]. M. [in Russian]
- Kobzanenko, 1996** – *Kobzanenko, V.A.* (1996). Partiyne fraktsii v I i II Gosudarstvennykh dumakh Rossii. 1906–1907 [Party factions in the I and II State Dumas of Russia. 1906–1907]. M. [in Russian]
- Makarov, 2013** – *Makarov, N.V.* (2013). Obrazovanie i pervye politicheskie shagi «Soyuza 17 oktyabrya» v osveshchenii anglo-amerikanskoy istoriografii [The formation and first political steps of the “Union of October 17” in the coverage of Anglo-American historiography]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*. 4-3(53): 36-41. [in Russian]
- Menshikov, 1911** – *Men'shikov, M.O.* (1911). Pis'ma k russkoy natsii [Letters to the Russian nation]. SPb. Pp. 45-52. [in Russian]
- Meshcherskiy, 1902** – *Meshcherskiy, V.P.* (1902). Dnevnik [Diary]. *Grazhdanin*. July 25, № 56. [in Russian]
- Paips, 1994** – *Paips, R.* (1994). Russkaya revolyutsiya [The Russian revolution]. Part 1. M. [in Russian]
- Pazin, 2014** – *Pazin, R.V.* (2014). «Soyuz 17 oktyabrya» i politicheskij terror nachala XX veka [“Union of October 17” and political terror at the beginning of the 20th century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 4 (27): 60-67. [in Russian]
- Pobedonostsev, 1901** – *Pobedonostsev, K.P.* (1901). Moskovskiy sbornik [Moscow collection]. M. [in Russian]
- Program Soyuz 17 oktyabrya, 1906** – Programma Soyuz 17 oktyabrya [Program of the Union of October 17]. *Sbornik programm politicheskikh partiy v Rossii*. 1: 9-17. SPb. [in Russian]
- Program SRN, 1906** – Programma Soyuz 17 oktyabrya [Program of the Union of the Russian People] (pp. 2–5). SPb. [in Russian]
- Russkoe znamya, 1907** – Russkoe znamya [Russian Banner]. 1907. March 11. [in Russian]
- Rybas, 2009** – *Rybas, S.Yu.* (2009). Stolypin [Stolypin]. M. [in Russian]
- Senin, 1993** – *Senin, A.S.* (1993). Aleksandr Ivanovich Guchkov [Alexander Ivanovich Guchkov]. *Voprosy istorii*. 7: 69-88. [in Russian]
- Sharapov, 1903** – *Sharapov, S.F.* (1903). Samoderzhavie i samoupravlenie [Autocracy and self-government]. 2-e izd. M. [in Russian]
- Sharapov, 1907** – *Sharapov, S.F.* (1907). Sotsializm kak religiya nenavisti [Socialism as a religion of hatred]. M. [in Russian]
- Sharapov, 1908** – *Sharapov, S.F.* (1908). Gosudarstvennaya rospis' i narodnoe khozyaystvo [State budget and national economy]. M. [in Russian]
- Shelokhaev, 1987** – *Shelokhaev, V.V.* (1987). Partiya oktyabristov v period pervoy rossiyskoy revolyutsii [The Octobrist Party during the first Russian revolution]. M. [in Russian]
- Shipov, 1918** – *Shipov, D.N.* (1918). Vospominaniya i dumy o perezhitom [Memories and thoughts on the past]. M. [in Russian]
- Spirin, 1977** – *Spirin, L.M.* (1977). Krushenie pomeshchich'ikh i burzhuaznykh partiy v Rossii (nachalo XX v. — 1920 g.) [The collapse of landlord and bourgeois parties in Russia (early 20th century — 1920)]. M. [in Russian]

Stepanov, 1993 – Stepanov, S.A. (1993). Chernosotentsy: «revolyutsionery naiznanku» [Black Hundreds: "revolutionaries inside out"]. *Polis*. 1: 154-161. [in Russian]

Tikhomirov, 1894 – Tikhomirov, L.A. (1894). Chto takoe liberalizm? [What is liberalism?]. *Russkoe obozrenie*. 7: 161-183. [in Russian]

Tikhomirov, 1909 – Tikhomirov, L.A. (1909). Agrarnyy vopros [The Agrarian Question]. Pp. 34-41. M. [in Russian]

Vitte, 1960 – Vitte, S.Yu. (1960). Vospominaniya [Memoirs]. T. 2. M. [in Russian]

Представления о будущем в идеологических доктринах российских консервативных и праволиберальных партий начала XX в.

Сергей Викторович Расторгуев ^{a, *}, Виктор Валериевич Титов ^a

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В представленной статье рассматривается проблема конструирования образа будущего в идеологических доктринах российских консервативных и праволиберальных партий начала XX века. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью ревизии изучения данной темы за счет отказа от использования стереотипов и излишней политизации. Целью работы является оценка специфики представлений о будущем в идеологических доктринах российских консервативных и праволиберальных партий начала XX в. с учетом конкретно-исторического контекста их формирования. Методологическая база работы выстроена за счет комбинирования элементов структурного, сравнительного и функционального анализа. Сделан вывод о том, что, несмотря на базовый консенсус в вопросах безусловного сохранения самодержавного политического строя и унитарного принципа формирования государства, а также методах решения рабочего вопроса, между консервативными и праволиберальными партиями существовали значимые идеологические противоречия в плане определения будущего страны. Консерваторы-фундаменталисты (в первую очередь – члены «Союза русского народа») связывали будущее страны с консервацией традиционных порядков, неприятием парламентаризма в пользу законосовещательных структур допетровского образца, сохранением крестьянской общины и ограничением форсированной индустриализации. Консерваторы-реформисты и представители праволиберальных партий, таких как «Союз 17 октября», напротив, предлагали модель рациональной адаптации к новым историческим реалиям. Их образ будущего предполагал органичное встраивание Государственной думы в систему управления (в рамках которой монарх выступает надпартийным арбитром-модератором), а также всецелую поддержку аграрных реформ П. А. Столыпина с переходом к частному хуторскому землевладению.

Ключевые слова: консервативные партии, праволиберальные партии, образ будущего, идеологические доктрины, фундаменталисты, реформисты, начало XX века.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: SRastorguev@fa.ru (С.В. Расторгуев), titov-msu@mail.ru (В.В. Титов)